

© 1991 г.

М. Е. Кравцова

К ПРОБЛЕМЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО КИТАЙСКОГО РИТУАЛА

(на материале Празднества третьего
дня третьего месяца)

Эпоха раннего средневековья (в китайской терминологии — Лючао, Шесть династий, III—VI вв.) — одна из самых сложных, противоречивых и вместе с тем значимых в истории Китая. С одной стороны, это было время затяжного социально-политического кризиса¹. С другой, — именно тогда развивались важнейшие культурные и идеологические процессы, которые во многом определили дальнейшее развитие китайской цивилизации, специфику ее духовной культуры. Часть этих процессов, например, эволюция философской и формирование магико-религиозной традиций даосизма, распространение буддизма, становление лирической поэзии (ведущего для Китая рода литературы) и т. д., постоянно находятся в центре внимания исследователей. Однако немало по-прежнему остается и «белых пятен», к числу которых относится, в частности, раннесредневековая ритуальная практика. Между тем без знания этого аспекта духовной жизни общества трудно составить сколько-нибудь полное представление об официальной идеологии названного периода и об этнокультурной ситуации в целом.

Следует сразу же оговорить, что чисто этнографические данные относительно раннесредневековых ритуалов крайне малочисленны. Однако их скудость полностью, на наш взгляд, возмещается фактическим материалом, содержащимся в двух авторитетнейших для Китая письменных традициях — анналистике и поэзии. Под анналистической традицией имеется в виду особый тип историографических памятников — династийные истории. В них, в специальных разделах — «Ли чжи» (Записи о ритуалах *ли*) перечисляются все придворные церемонии, как светского, так и религиозного характера, с указанием их исполнителей, точных дат и места проведения. Во многих случаях также сообщаются сведения об их происхождении, характеризуются их сущность и основные функции.

Что касается поэтической традиции, то наибольший интерес для нас представляет самостоятельная тематическая группа, которую можно условно назвать официальной поэзией. Это стихотворения-панегирики, написанные в честь тех или иных официальных мероприятий и содержащие в себе их подробное описание.

Круг придворных церемоний, зафиксированных в обоих источниках, достаточно широк. Причем, наряду с нормативными государственными ритуалами, общественный статус и идейное наполнение которых не вызывают сомнений (например, жертвоприношение государя Небу и Земле, поклонение в храме императорских предков, сезонные жертвоприношения), существовало множество факультативных процедур, не поддающихся однозначной интерпретации. Таковым является Празднество третьего дня третьего месяца (*сань юэ сань жи хуэй*). Это весенний праздник, справлявшийся, как видно из его названия, в третий день (день, обозначаемый циклическими знаками *шан сы*) третьего месяца по лунному календарю.

Центральное место в нем занимала пиршественная церемония — «пир у петляющей реки» (*цзюй шуй янь*)², кульминационным моментом которой был своеобразный поэтический турнир: участники пира пускали по течению реки чаши с вином, и те, кто вылавливал их из воды, произносили поэтический экспромт.

При этом употреблялись специальные сосуды для вина — «крылатые чаши» (*юй шан*) — небольшие овальные чаши с двумя ручками в виде птичьих крыльев по бокам. В таком виде Празднество третьего месяца просуществовало много веков, воспринимаясь преимущественно как чисто светский праздник образованных людей и литераторов³.

Начало данной традиции обычно относят к эпохе раннего средневековья, а именно к середине IV в. Речь идет об устроенном весной 353 г. высокопоставленным чиновником и ведущим художником-пейзажистом того времени Ван Сичжи (321—379 гг.) празднике, в котором приняли участие 42 его друга-литератора. Из сочиненных ими 37 стихотворных экспромтов Ван Сичжи составил антологию «Павильон орхидей» (*Лань тин*), предпослав ей свое собственное эссе-вступление, где недвусмысленно постулируется восприятие организованного им праздника как дружеской встречи близких по духу и эстетическим идеалам любителей изящной словесности⁴. Все сведения о празднике 353 г. не оставляют сомнений, что он действительно был устроен частным лицом без какого-либо вмешательства официальных властей и не обладал сколько-нибудь явными признаками ритуала. В дальнейшем именно он стал трактоваться как если не единственная, то наиболее типичная для эпохи раннего средневековья форма проведения Празднества третьего месяца, отражавшая не религиозное, а эстетическое мировосприятие⁵. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что такая точка зрения не совсем верна.

Основным аргументом здесь служит факт включения Празднества третьего месяца в разделы «Ли чжи» в трех династийных историях: «Истории династии Цзинь», «Истории династии Сун» и «Истории династии Южная Ци»⁶. «История династии Цзинь» появилась значительно позднее рассматриваемого периода — в середине VII в. Две остальные были составлены соответственно Шэнь Юэ (441—513 гг.) в 90-х годах V в. и Сяо Цзысянем (489—537 гг.) в первой трети VI в. Следовательно, согласно официально принятому в эпоху раннего средневековья и закрепленному в официальных документах мнению, Празднество третьего месяца считалось ритуалом *ли*, входившим в круг государственных обрядовых действий.

В обеих раннесредневековых династийных историях Празднеству третьего месяца посвящены довольно пространные фрагменты, основную часть которых занимает изложение версий его происхождения, сопровождаемое ссылками на другие источники. Шэнь Юэ и Сяо Цзысянь приводят семь версий, что само по себе указывает на отсутствие у раннесредневековых ученых единой точки зрения по поводу истоков данного праздника. Детальный сопоставительный и ретроспективный анализ этих версий, каким бы заманчивым он ни казался, не входит в задачу данного сообщения. Поэтому мы ограничимся лишь их перечнем в порядке, соответствующем предполагаемой степени арханчности упоминаемых церемоний, и сопроводив его краткими примечаниями.

Итак, составители «Истории династии Сун» и «Истории династии Южной Ци» полагали, что источниками Празднества третьего месяца могли быть:

1. Обряд «весеннего очищения» (*чунь си*), совершавшийся в эпоху Чжоу (XI в. — 256 г. до н. э.) жрицами-шаманками (*ю нюй*) и включавший ритуальное омовение и очистительное жертвоприношение. В своде чжоуских ритуалов — «Чжоу ли» — действительно есть очень краткая (всего в одну строку) запись о каком-то ритуальном омовении (обряд *фу*) жриц-шаманок, но дата его проведения не оговаривается. О возможной связи обряда *фу* с Празднеством третьего месяца сообщается только в комментариях к указанному фрагменту⁷.

2. Архаичное весеннее празднество, которому посвящена песня «В третью луну в праздник сбора орхидей», входящая в первую для Китая поэтическую антологию «Ши цзин» (Книга песен)⁸. Это произведение уже неоднократно привлекало внимание исследователей. На основе текста песни и комментариев к ней была предпринята попытка реконструкции и анализа связанного с ней обряда, который, возможно, состоял из собственно очищения, поминовения

душ усопших и брачного ритуала⁹. Данная версия выглядит наиболее аутентичной, хотя о самом Празднике сбора орхидей, несмотря на все его реконструкции, мы имеем весьма смутное представление.

3. Обряд моления о ниспослании дождя (обряд *юй*), о котором сообщается в «Речениях» Конфуция (Лунь юй. Гл. XI. § 25). Этот обряд тоже совершался весной на берегу реки, но юношами. Отождествление его с Празднеством третьего месяца — явно результат более поздней комментаторской традиции¹⁰.

4. Обряд весеннего жертвоприношения, совершаемый с лодок и связанный с культом предков, в котором мог принимать участие Сын Неба. О нем упоминается в трактате известного ханьского ученого Цай Юна (132—192 гг.) и в оде цзиньского поэта Чжан Се (? — 307 г.) — «Ода об обряде очищения на реке Ло».

5. Массовый обряд очищения, о котором говорится в «Истории династии Поздней Хань» (Хоу хань шу) Фань Е (398—446 гг.) — еще одним раннесредневековым историографическим памятником: «В день *шан сы* чиновники и народ совершают очищение у верховья реки, текущей на восток. Омываются и тем отгоняют злых духов. Совершают великое очищение, дабы ушли болезни и скверны»¹¹.

6. Видимо, локальный обряд очищения и поминовения душ усопших, связанный с легендой о смерти трех малолетних дочерей некоего Го Юя, жившего при династии Поздняя Хань (I—II вв.). Любопытно, что Шэнь Юэ приводит эту версию первой, тогда как в «Нань ци шу» она замыкает собою разбираемый фрагмент.

7. Пир, устроенный Чжоу-гуном — младшим братом основателя династии Чжоу — У-вана (1027—1024 гг. до н. э.) в честь основания города Лои (будущая столица Китая — Лоян). Эта версия приводится только в «Нань ци шу», а затем в «Цзинь шу».

Пять из семи перечисленных версий (1, 2, 4, 5 и 6), несмотря на их внешнюю неоднородность, имеют ряд ключевых признаков: время (весна) и место (на берегу реки) совершения обряда, наличие ритуального омовения и очистительного жертвоприношения. Лежал ли в их основе единый инвариант, или, напротив, перед нами — серия типологически сходных диахронных процедур, впоследствии частично наложившихся друг на друга, — для ответа на этот вопрос требуются дополнительные изыскания. В любом случае очевидно, что при Шести династиях, а, возможно, и при Хань, архаичные корни Празднества третьего месяца были почти полностью утрачены, равно как и понимание многих деталей сценария древних обрядов, о чем откровенно предупреждает Сяо Цзысянь: «...что касается жертвоприношения-си и петляющей реки, то их истинный смысл весьма туманен»; «что за река, текущая на восток, — неясно». Подобные признания могли преследовать и чисто утилитарную цель: дать идейное обоснование правомерности разработок администрацией династии Южной Ци своего собственного сценария проведения Празднества третьего месяца.

Хотя оба историка оперируют в целом одними и теми же фактами, разбираемые фрагменты отнюдь не идентичны. Не совпадают, например, набор версий, порядок их перечисления, система аргументации. Главное же, на наш взгляд, различие заключается в осмыслении сущности и функций Празднества. Так, Шэнь Юэ воздержался от заключения по данному поводу, тогда как Сяо Цзысянь, напротив, дал развернутую и однозначную по смыслу формулировку: «Пир у петляющей реки во время Празднества третьей луны есть древнее очистительное жертвоприношение (*си цзи*) ... В старые времена говорили — когда Светлое (Ян) набирает силу [речь идет об активизации Светлого начала (Ян), которая происходит, согласно представлениям китайцев о годовом цикле, весной. — М. К.], все живое идет в рост. В день *шан сы* третьей луны желали друг другу счастья; совершали жертвоприношение *си*, очищались от скверны; молились о счастье и благоденствии. Одним словом, третий день луны — время

очищения и просветления. И для того чтобы добиться удачи в делах, идут на берег реки, молятся о счастье, тем самым прося у Неба урожайный год».

Думается, указанное несовпадение отражает не личностные позиции историков, а некоторые особенности официальной идеологии конца V в. Действительно, при династии Южная Ци наблюдается заметное оживление по сравнению с предшествовавшими и последующими периодами ритуальной деятельности. Создается впечатление, что тогдашняя администрация пыталась вывести страну из кризиса путем обращения к сфере сверхъестественного, используя религиозный опыт предков. Празднество третьего месяца далеко не единственный из совершаемых в то время псевдоархаичных ритуалов. Одновременно мы имеем основание предположить, что именно при этой династии Празднество третьего месяца достигло максимальных сакрализации и архаизации.

И наконец, несколько слов о седьмой версии происхождения Празднества третьего месяца — версии о пире Чжоу-гуна. Судя по всему, она является самой поздней, так как документирована только памятниками начала VI в. Любопытно, что эта версия была взята на вооружение и теми раннесредневековыми идеологами, которые отрицали связь Празднества с обрядами очищения и — шире — его религиозный характер. Например, в трактате «Продолжение „Записок Ци Се“» У Цзюня (469—519 гг.) воспроизводится беседа, якобы состоявшаяся между первым императором династии Западная Цзинь — У-ди (264—290 гг.) и его сановником, который утверждал, что толкование Празднества третьего месяца как обряда очищения — вульгарно, а на самом деле оно восходит к пиру Чжоу-гуна¹².

Таким образом, попытки десакрализации Празднества, начало которым, видимо, положил Ван Сичжи, действительно имели место в эпоху раннего средневековья, но они не увенчались успехом. Преждевременно говорить и об их причинах, так как еще не ясны нюансы динамических процессов, происходивших в общественной идеологии и массовом сознании в различные периоды эпохи Шести династий. Что же касается непосредственно Сяо Цзысяня, то у него версия о пире Чжоу-гуна скорее всего играла роль опять-таки идейного обоснования включения в сценарий Празднества третьего месяца «пира у петляющей реки», ибо ни один из древних обрядов не сопровождался пиршественной церемонией.

Таковы основные выводы, сделанные нами на материале историографических памятников. Посмотрим теперь, насколько они подтверждаются поэтическими произведениями. Параллельно мы постараемся выявить дополнительные сведения о сущности и функциях анализируемого ритуала и реконструировать порядок его проведения.

Первые стихотворения, посвященные Празднеству третьего месяца, появились в период царствования цзиньского монарха У-ди — того самого государя, который фигурировал в трактате у Цзюня. Это «Стихи, написанные в парке Цветущего леса о Празднестве третьего дня третьего месяца» Ин Чжэна¹³, «В парке Цветущего леса после Празднества третьего дня третьего месяца» Сюнь Сюя (? — 289 гг.), «Стихи, написанные в парке Цветущего леса о Празднестве третьего дня третьего месяца, устроенном после покорения царства У» [т. е. в 280 г. — М. К.] Ван Ци (? — 290 гг.), «Встреча в парке после Празднества третьего дня третьего месяца, устроенного в шестой год под девизом правления Тайкан» [т. е. в 285 г. — М. К.] и «Песнь о дне *шан сы*» Чжан Хуа (232—300 гг.), а также «Стихи о Празднестве третьего дня третьего месяца» Ван Цзяня¹⁴. В китайских справочных изданиях стихотворения Ин Чжэна и Ван Цзяня датируются соответственно 268 и 289 гг.¹⁵

Следовательно, за двадцатипятилетнее правление У-ди Празднество третьего месяца проводилось как минимум четыре раза, что указывает на тенденцию к периодичности его празднования — один из признаков функционирующего ритуала. Обратим также внимание на тот факт, что в ряде случаев данный праздник совпадает с важнейшими для администрации Цзинь событиями, на-

пример покорением царства У — последнего из самостоятельных царств периода Троецарствия, сохранявшего свою независимость.

Из конструктивных деталей, сообщаемых в перечисленных текстах (в целом они, к сожалению, малоинформативны), наиболее интересны следующие: упоминание о лодках, с которых пускают чаши на воду (ср. с версией о весеннем жертвоприношении с лодок); упоминание о дожде — небесной влаге, оплодотворяющей землю (ср. с версией об истоках Празднества в обряде моления о ниспослании дождя); упоминание о пиршественной церемонии и о шатрах как месте ее проведения. Кроме того, здесь обнаруживаются параллели с «сакральной трапезой» — пиром бессмертных на берегу волшебного Нефритового пруда (*Юй чи*) в горах Куньлунь — резиденции Царицы Запада — Сиванму. Путешествие к Царице Запада с целью обретения бессмертия, включая эпизод вкушения пищи, дарующей вечную жизнь, было органической частью мифолого-религиозных представлений древних китайцев¹⁶. Впоследствии на его основе возник особый обряд — ритуальное паломничество Сына Неба в горы — в сценарий которого входила пиршественная церемония на берегу горного озера¹⁷. На ассоциативную связь между этими двумя пиршественными церемониями указывает наличие в рассматриваемых текстах названий-мифологем, в частности аналога Нефритового пруда — Цветочного пруда (*Хуа чи*). Показательно, что в династийных историях тоже сообщается, что при Цзинь Празднество третьего месяца проводилось не только на берегу реки, но и около замкнутого водоема — Пруда Небесной пучины (*Тянь юань чи*, другое название — Пруд Небесного источника, *Тянь цюань чи*, в окрестностях Лояна).

Далее в стихотворениях Чжан Хуа впервые говорится о «крылатых чашах» — впоследствии, как мы помним, специфическом атрибуте Празднества третьего месяца и «пира у петляющей реки». Когда именно появились эти сосуды, остается неясным. В принципе не исключено, что они являлись модификацией типичной для того времени пиршественной утвари — овальных чаш с двумя плоскими ручками по бокам¹⁸. Возможно, более древним их прототипом были кружки *гуй* — лакированные сосуды с двумя бронзовыми позолоченными ручками, — найденные в раннеханьском погребении Мавандуй I¹⁹. Что касается «птичьего мотива», то следует заметить, что он издавна был характерен для различных сосудов, преимущественно ритуального предназначения. Так, ковш с ручкой в виде головы и верхней части туловища птицы (ковш *шао*) найден среди керамики неолитической культуры Яншао (3200—2900 гг. до н. э.)²⁰. Ручки в виде птицеобразных драконов украшают чжоускую бронзу, например, сосуд *Ли-гуй* (XI в. до н. э.)²¹. Поэтому вполне вероятно, что создатели «крылатых чаш» ориентировались на древние ритуальные сосуды. Кроме того, как известно, птицы в Китае устойчиво ассоциировались с идеей обретения бессмертия. Одно из названий бессмертного *сяня* — *юй жэнь* (досл. «крылатый человек» или «человек в перьях»).

Итак, мы видим, что во второй половине III в. Празднество третьего месяца не только приобрело статус государственного ритуала, но и стало превращаться в сложное, синкретическое действие, вбиравшее в себя рудименты различных древних обрядов, в том числе и восходивших к принципиально иным религиозным традициям.

При преемниках цзиньского государя У-ди — Хуэй-ди (290—307 гг.) и Хуай-ди (307—311 гг.) — Празднество третьего месяца, видимо, тоже справлялось несколько раз, о чем свидетельствуют соответствующие произведения крупнейших поэтов конца III в. — Лу Цзи (261—303 гг.) и Пань Ни (? — 311? г.): «В третий день третьего месяца» и «Пишу о Празднестве третьего месяца у реки Лошуй»²². Однако точно известна только одна дата — 311 г., с которым соотносится цикл «Два стихотворения, написанные по высочайшему повелению о Празднестве третьего дня третьего месяца» Люй Цючуна (? — 312 гг.)²³. Напомним, что 311 г. — время стремительно развивающейся экспансии кочевых племен и захвата Лояна.

И наконец, Празднество третьего месяца, по данным «Нань ци шу»

состоялось почти сразу же после реставрации на Юге династии Цзинь при цзиньском государстве Юань-ди (317—323 гг.). Судя по всему, именно данному празднику посвящены стихотворения Юй Чаня (286—339 гг.) «В третий день третьего месяца» и «Празднество третьего дня третьего месяца у петляющей реки»²⁴, где, кстати, впервые встречается бином «петляющая река» (*цзюй шуй*).

При последующих государях Восточной Цзинь интерес официальных властей к Празднеству третьего месяца по каким-то причинам ослабел. Во всяком случае в историографических памятниках отсутствуют упоминания о соответствующих исторических прецедентах. В поэтической традиции произведений, посвященных данному празднику, кроме «Павильона орхидей», тоже нет.

После почти столетнего перерыва Празднество третьего месяца вновь несколько раз определялось при сунском государе Вэнь-ди (424—453 гг.), о чем мы можем судить преимущественно из синхронной поэзии. Так, интересующие нас тексты обнаруживаются в творчестве двух ведущих литераторов того времени — Се Линьюня (385—433 гг.) и Янь Яньчжи (384—456 гг.). Первому из них принадлежит стихотворение «Стихи о пире, устроенном по высочайшему повелению в третий день третьего месяца у Западного пруда»²⁵. Учитывая факты биографии Се Линьюня и дату его смерти, логично предположить, что названный текст был создан на рубеже 20—30-х годов V в. Из творений Янь Яньчжи наибольшей известностью пользуется «Стихотворное послесловие к пиру у петляющей реки», которое традиционно соотносится с Празднеством, проведенным в 434 г.²⁶ Помимо этого произведения, написанного в форме оды, у Янь Яньчжи есть и другие стихотворные тексты²⁷, последний из которых датируется 449 г.²⁸ Между тем 449—450 гг. — очень сложный период в истории династии Лю Сун, ознаменовавшийся очередным крупным конфликтом южан с их северным противником и одновременно обострением придворных интриг внутри самого правящего дома, т. е. повторяется ситуация первого десятилетия IV в., когда Празднество третьего месяца справляется в кризисный для страны момент.

Следующий пик популярности Празднества третьего месяца в художественной литературе, как и следовало ожидать из материала историографических памятников, приходится на период правления второго государя династии Южная Ци — У-ди (483—493 гг.). За это десятилетие были созданы следующие произведения: «Стихотворное послесловие к пиру у петляющей реки, устроенному в третий день третьего месяца» Ван Жуна (467—493 гг.)²⁹, три цикла, состоящие в общей сложности из 28 восьмистиший, известного раннесредневекового поэта-пейзажиста Се Тяо (464—499) и несколько стихотворных текстов Шэнь Юэ (он же, напомним, — составитель «Истории династии Сун») ³⁰. Не исключено, что эти произведения могли быть посвящены различным по времени проведения праздникам, но из династийной истории известна только одна дата — 492 г.

Уже из названий всех данных произведений видно, что, во-первых, они были написаны по непосредственному распоряжению монарха или наследника престола, например: «По высочайшему повелению написал о пире у петляющей реки, устроенном в третий день [третьего месяца] в палатах Линьгуандянь» (Шэнь Юэ) или «Написал для наследника престола о пире у петляющей реки, устроенном в палатах Хуагуандянь» (Се Тяо), т. е. создание такого рода поэтических текстов считалось государственным актом.

Во-вторых, на первый план здесь выступает пиршественная церемония — «пир у петляющей реки», из чего следует, что именно она заняла центральное место в сценарии проведения Празднества третьего месяца. Это наблюдение полностью согласуется со сведениями, сообщаемыми в «Истории династии Южная Ци».

И наконец, в-третьих, обращает на себя внимание факт появления в названиях поэтических произведений конца V в. указания на специальную постройку (палата *дянь*) как место проведения «пира у петляющей реки» и

всего Празднества. Из текстов явствует, что речь идет о походных шатрах, имитировавших тронный зал. Трон помещался у входа в шатер и занавешивался богато расшитым пологом, который поднимался во время пира, дабы присутствующие могли лицезреть Сына Неба. У подножия трона находился помост, застланный циновками, — на нем располагались участники церемонии. Помост заканчивался лестницей со ступенями, уходящими в воду, стоя на которых пускали по течению чаши с вином:

...Царский шатер стоит возле весеннего пруда,
Шатер-дворец окружают ароматные травы.
Мало-помалу над циновками закружили «крылатые чаши»,
Ступень за ступенью омывают быстрые струи.

(Шэнь Юэ. По высочайшему повелению написал о пире... в палатах Линьгуандянь)

Или:

Высоко подвешен парчовый полог,
Свернут-связан узорный занавес.
Длинные циновки положены в ряд у трона,
Быстрые струи окружают ступени лестницы.

(Се Тяо. Цикл № II, 8)

Появление дворцовых палат в композиции «пира у петляющей реки», разумеется, не случайно. Дворец, как и храм, представлял собою особо организованное пространство, наиболее пригодное для коммуникации с высшими силами. Одновременно он являлся материальным воплощением могущества его строителя-хозяина³¹. Представляется также существенным, что названия, упомянутые у Шэнь Юэ и Се Тяо, есть исторические реминисценции: Хуагуандянь — один из дворцов ханьских государей в Лояне; Линьгуандянь — походный дворец-шатер Цинь-ши-хуан-ди (221—209 гг. до н. э.) — основателя и первого монарха империи Цинь.

То, что в старом Китае существовал обычай давать новым постройкам (дворцам, паркам и т. д.) старые названия, хорошо известно. Но это, конечно, не было лишь выражением ностальгии по прошлому. Копируя какую-либо постройку (а употребление старого названия предполагало акт копирования), государь как бы трансплантировал мироустроительную силу (дэ) и мощь ее прежнего владельца³².

Здесь следует пояснить, что для государственных деятелей и литераторов конца V в. Цинь-ши-хуан-ди олицетворял собою правителя, которому удалось объединить страну после периода длительных междоусобиц. Что же касается древней династии Хань, то администрация Южной Ци пыталась объявить себя ее непосредственной преемницей и наследницей ее деяний³³.

Таким образом, дворцовые палаты, воздвигаемые во время проведения «пира у петляющей реки», во-первых, служили наглядной демонстрацией могущества правящего дома и, во-вторых, способствовали установлению им магической связи с предшествующими династиями и государями. Кроме того, их наличие в процедуре Празднества третьего месяца указывает на очень высокую степень общественного и сакрального статуса разбираемого мероприятия в последней трети V в. Напомним, что в названиях поэтических произведений III — первой половины V в. о каких-либо постройках не упоминалось.

Повышенную смысловую нагрузку явно несут и многочисленные топонимы, употребленные Шэнь Юэ и Се Тяо, большинство из которых есть географические реминисценции, связанные с древними столицами Китая — Лояном и Чанъанью. Характерно, что практически все местности, упоминаемые поэтами, где якобы проводится описываемый ими пир³⁴, в то время находились в руках северян. Создается впечатление, что подобные топонимы отражают, с одной стороны, политические амбиции южан, а с другой — попытки устроителей

Празднества включить в орбиту своего опять-таки магического влияния всю Поднебесную, в том числе давно уже утраченные китайцами территории. Одновременно можно говорить, что воображаемая ими композиция Празднества третьего месяца как государственного ритуала намного превышала его реальные пространственные границы.

Далее. Подобно Сяо Цзысяню, поэты Южной Ци видели в «пире у петляющей реки» воспроизведение древних очистительных обрядов, причем не только собственно весенних. Так, у Се Тяо неоднократно фигурирует «осеннее очищение» (*цю фу*) — обряд, проводимый 14 числа 7 месяца:

Западная столица [Чанъань] велика и пышна,
Восточная столица [Лоян] величава и прекрасна.
Осеннее очищение — становятся чистыми струи,
Весеннее омовение — плывет жертвенное вино.
В первый день года представляем доклады трону,
В последний день года отовсюду стекаются сообщения
[о делах в государстве].

(*Се Тяо*. Цикл № I, 5)

Любопытно, что в данном фрагменте обряды соотносятся не только по временному (весна — осень), но и пространственному (восток — запад) принципу. Подключив первый и последний дни года, мы получаем полную пространственно-временную композицию Празднества, которая включает весь годовой цикл и основные части света. По сути дела, оно оказывается универсально действующим ритуалом.

Универсальный характер приобретает и само понятие «очищения», становясь синонимом *пин* — «умиротворения» и *хэ* — «гармонизации», которые в свою очередь распространяются и на социум, и на мир высших сил, т. е. на весь Космос:

Небо и Земля пришли в должный порядок,
Струи родников стали чисты.
В наступающих сумерках увлажняемся высшей милостью,
С восторгом принимаем просвещенность и
просветленность.

(*Се Тяо*. Цикл. № II, 10).

Попутно поясним, что сочетание «увлажняться высшей милостью» восходит к древнейшим представлениям китайцев о благодатной влаге (дожде, росе), ниспадающей с Неба и оплодотворяющей Землю. «Просвещенность» (*вэнь*) и «просветленность» (*мин*) — важнейшие в официальной идеологии старого Китая термины, соотносящиеся с официальным правлением.

Столь же отчетливое звучание в произведениях Шэнь Юэ и Се Тяо получает мотив небесного предопределения прихода к власти династии Южной Ци и покровительства ей высшими силами: «Великое предначертание — вот оно сбылось! // Благополучие династии — оно предопределено Небом!» (*Се Тяо*. Цикл № I, 2).

Следовательно, важнейшими функциями Празднества третьего месяца и «пира у петляющей реки» были оказание магического влияния на Космос с целью его гармонизации, благодарение Неба за оказанную им поддержку пришедшей к власти династии и моление высшим силам о дальнейших покровительстве и помощи. При такой его интерпретации становится понятным, почему этот праздник на протяжении III—V вв. проводился обычно после воцарения очередного правящего дома (династии Западная и Восточная Цзинь) и важнейших политических событий (покорение царства У), либо же в момент кризисных ситуаций (начало IV в., последние годы правления сунского государства Вэнь-ди).

Если верить резюме Сяо Цзысяня, то при Южной Ци Празднество третьего месяца продолжало восприниматься в его непосредственной связи с культом

плодородия. Подобные ассоциации прослеживаются и в поэтических текстах: «Пурпурный обряд созвучен благополучию императорского рода, Зеленые письма возвещают расцвет страны. Всеобщее прощание — везде и повсюду...» (Се Тяо. Цикл № I, 1). «Пурпурный обряд» (*чжу ди*) — сезонное жертвоприношение, которое в древности приносилось архаичному богу земледелия — Шэнуну в его ипостаси божественного покровителя юга — Огненного императора (Янь-ди)³⁵. «Зеленые письма» (*люй цзы*) — одно из благих знамений, являемое людям после свершения каких-либо великих деяний³⁶.

При анализе произведений поэтов второй половины III в. мы предположили, что пиришественная церемония, проводимая во время Празднества третьего месяца, отождествлялась с «сакральной трапезой» — пиром бессмертных у Царицы Запада Сиванму. Это предположение полностью подтверждается стихотворениями Шэнь Юэ и Се Тяо. Так, в стихотворении Шэнь Юэ говорится о жертвоприношении духам дорог — *ба*, бывшем органической частью ритуального паломничества Сына Неба в горы. Еще более показательным выглядит отрывок из текстов Се Тяо:

Остановили драконову упряжь,
Поплыли в чудесном челне.
Божественный дворец — все в нем уже готово,
Без промедления отправимся туда.

(Цикл № III, 6).

«Драконова упряжь» (*лун цзя*) — облачная колесница, запряженная драконами, на которой ездили божества и бессмертные³⁷. «Чудесный челн» (*фу чжоу* — досл. челн-утка) — лодка в виде дикой утки, в которой, по преданию, совершил часть своего мистического путешествия к Царице Запада древний государь Му-ван³⁸. «Божественный дворец» (*лин гун*) — дворец Небесного императора, который находился на вершине священных гор Куньлунь, маркировавших собою запад как сакральную часть света, связанную с идеей обретения бессмертия.

И наконец, последнее, на чем хотелось бы остановиться, — сама процедура пуска чаш с вином по течению реки. О ней сообщается в большинстве упоминавшихся произведений, но ни в одном из них не говорится о поэтическом турнире. В то же время из текстов поэтов Южной Ци явствует, что, во-первых, помимо чаш с вином, на воду спускались и блюда с яствами — маловероятно, чтобы их тоже затем вылавливали из воды. Во-вторых, несколько необычным выглядит описание движения плывущих предметов: они либо устремляются навстречу друг другу, либо скапливаются в одном месте. Последнее, правда, возможно и в том случае, если предметы прибывает к берегу, но встречное их движение происходит только тогда, когда они затягиваются в воронку водоворота. Может быть, сочетание *цюй шуй* и означало водоворот³⁹? Тогда пуск чаш по течению есть не что иное, как жертвоприношение реке в его, так сказать, чистом виде. Интересно, что в разбираемых текстах встречаются строки, где речь идет о реакции божественных сил на эту процедуру: «Чаши с вином во множестве струдились, // Божественная черепаха являет свою сущность» (Се Тяо. Цикл № II, 8). «Божественная черепаха» (*лин цай*) — фантастическое животное с панцирем, покрытым пятицветным узором и украшенным золотом и нефритом. Мыслилась ли она персонификацией конкретного божества — хозяйна реки, на берегу которой проводилось Празднество, или же своего рода собирательным образом владыки водной стихии, в данном случае, наверное, не имеет особого значения. Гораздо существеннее, на наш взгляд, выглядит тот факт, что черепаха была устойчиво связана с ритуалом гадания (в древнем Китае гадали по черепашему панцирю). Напомним, что из «Нань ци шу» известна только одна дата проведения Празднества третьего месяца при Южной Ци — 492 г. В этот же год циский государь У-ди начал подготовку к походу против северян. Не был ли в таком случае к «пиру у петляющей реки» подключен и ритуал гадания?

Учитывая наличие в разбираемых текстах мотива воспевания военного могущества правящего дома, подобное предположение представляется вполне правомерным.

Итак, мы видим, что принятая в синологии точка зрения на Празднество третьего дня третьего месяца в эпоху раннего средневековья как на исключительно светское мероприятие — весенний праздник образованных людей и поэтов — неверна. Фактические данные, зафиксированные в синхронных историографических памятниках и поэтических произведениях, дают все основания для его интерпретации как государственного ритуала — *ли*, ориентированного его инициаторами и исполнителями на воспроизведение архаичных очистительных обрядов. Такое его осмысление оставалось доминантным на всем протяжении существования Шести династий, что, впрочем, не исключает наличия и противоположной тенденции — тенденции к десакрализации Празднества, наиболее отчетливо проявившейся в IV в.

Далее, Празднество третьего месяца дает нам пример ритуала, находившегося в непрерывном развитии, по ходу которого происходило включение в его сценарий все новых и новых элементов, многие из которых восходили к иным религиозным традициям. Наивысших же архаизации и сакрализации Празднество третьего месяца достигло в последней трети V в. (в период правления династии Южная Ци), когда оно превратилось в сложное и полифункциональное действо, основной целью которого было восстановить утраченную гармонию Космоса, стабилизировать положение в стране и вернуть ей былое могущество. Причины популярности и общественного статуса Празднества третьего месяца в эпоху раннего средневековья следует, видимо, искать в особенностях состояния массового сознания и общественной идеологии того времени. В условиях нарастающего социально-политического кризиса обращение людей к сфере сверхъестественного было неизбежным. На уровне собственно официальной идеологии это нашло выражение в активизации ритуальной деятельности, когда представители социальной элиты пытались взять на вооружение религиозный опыт предков, видя в нем действенное средство влияния на мир.

Примечания

¹ Эпоха китайского раннего средневековья состоит из нескольких периодов и включает в себя следующие основные исторические события: падение древней династии Хань (206 г. до н. э. — 220 г. н. э.) и борьба за власть между тремя самостоятельными царствами — Вэй, Шу и У, — возникшими на ее руинах (период Саньго — Троецарствие, 220—264 гг.); новое кратковременное объединение страны под эгидой династии Западная Цзинь (264—316 гг.); широкомасштабная экспансия северо-западных племен, завершившаяся оккупацией большей части территорий Империи и разделением Китая на Север и Юг (период Наньбэйчао, Южные и Северные династии, 317—587 гг.) На Юге вначале династия Цзинь (Восточная Цзинь, 317—419 гг.) была реставрирована, а затем последовала серия государственных переворотов, приведших к появлению на политической арене нескольких так называемых карликовых династий — Лю Сун (420—479 гг.), Южная Ци (479—501 гг.), Лян (502—557 гг.) и Чэнь (557—589 гг.).

² Мы даем дословный перевод названия данной церемонии, предложенный в отечественных справочных изданиях (см. Большой китайско-русский словарь / Под ред. Ошанина И. М. Т. 2. М., 1983. С. 665).

³ Подробно см., например, *Bodde D. Festivals in Classical China*. Princeton, 1975. P. 281—282.

⁴ Общие сведения о празднике 353 г. см., например, *Frodscham J. D. The Origins of the Chinese Nature Poetry // Asia Major. V. VIII. 1960 / 1961. P. 86—90*. Антология и предисловие к ней представлены в Цюань Хань Саньго Цзинь Наньбэйчао ши (Полном собрании стихотворений периодов Хань, Троецарствия, Цзинь и Южных и Северных династий). Т. 1. Шанхай, 1959. С. 431—443. (Перевод предисловия на русск. яз. см.: Китайская классическая проза / Пер. Алексеева В. М. М., 1959. С. 167—169).

⁵ Так, например, в монографии японского исследователя Ами Юдзи стихотворения поэтов конца V в. о Празднестве третьего месяца помещены в раздел, посвященный пейзажной лирике — *Ами Юдзи. Тягоку госэй бунгаку энкю* (Изучение китайской средневековой лирики). Токио, 1960. С. 248 (на яп. яз.).

⁶ Цзинь шу (История династии Цзинь). Шанхай, 1936. цз. 21/3. С. 14а (на кит. яз.); Сун шу (История династии Сун). Т. 2. Пекин, 1980. Цз. 15. С. 385—386 (на кит. яз.); Нань ци шу (История династии Южная Ци). Т. 1. Пекин, 1980. Цз. 9. С. 149—150 (на кит. яз.).

⁷ Чжоу ли чжу ши (Ритуалы Чжоу с полным комментарием). Т. 3. Пекин, 1957. Цз. 26. С. 249 (на кит. яз.).

⁸ Ши цзин (Книга песен). Шанхай, 1937. Цз. 4: С. 39 (на кит. яз.); Книга песен / Пер. Штукина А. А., предисл. Федоренко Н. Т. (на русск. яз.). М., 1957. С. 115—116.

⁹ Голыгина К. Н. Китайская проза на пороге средневековья. М., 1983. С. 122—127.

¹⁰ Лунь юй и Чжу цзы цзи чэн (Сборник работ древних философов различных школ). Т. 1. Шанхай, 1954. С. 260 (на кит. яз.); Confucian Analects, the Great Learning and the Doctrine of the Mean // The Chinese Classics. V. 1. Oxford, 1983. P. 248—249.

¹¹ Сходные сведения содержатся в трактате Сыма Пяо «Описание обрядов»: «В третий день третьей луны чиновники и народ, совершая очистительный обряд, пьют из потока, текущего на восток». Цит. по: Голыгина К. Н. Указ. раб. С. 126.

¹² Цит. по: Вэнь сюань (Литературный сборник). Шанхай, 1936. Цз. 46. С. 4а (на кит. яз.).

¹³ Парк цветущего леса (*Хуа линь юань*) — парковый ансамбль, находившийся в северо-западной части Лояна и служивший при цзиньском У-ди местом проведения различных официальных церемоний.

¹⁴ Цюань Хань Саньго... Т. 1. С. 247, 321, 281—282, 397. Перевод произведений Чжан Хуа на англ. яз.: *Straughair A. Chang Hau: A Statesman-Post of the Western Chin Dynasty*. Canberra, 1973. P. 98—99, 110—111.

¹⁵ Чжунго вэньсюэ няньбяо (Хроника китайской литературы). Т. 2. Пекин, 1936. С. 13а, 18а (на кит. яз.). В антологии Цюань Хань Саньго... текст Ин Чжэна отсутствует.

¹⁶ Крацова М. Е. Путешествие (ю) в мифолого-религиозной традиции древнего Китая // Народы Азии и Африки. 1986. № 2. С. 121—129.

¹⁷ О подобном ритуале, связанном с культом Сиванму, который справлялся при Хань, кратко сообщается в кн.: *Loewe M. Ways to Paradise. The Chinese Quest for Immortality*. L., 1979 / 1980. P. 100. Его подробное описание мы обнаружили в нескольких поэтических текстах конца V в.

¹⁸ Крюков М. В., Малявин В. В., Софронов М. В. Китайский этнос на пороге средних веков. М., 1979. С. 137.

¹⁹ Крюков М. В., Переломов Л. С., Софронов М. В., Чебоксаров Н. Н. Древние китайцы в эпоху централизованных империй. М., 1983. С. 211.

²⁰ Кашина Т. И. Керамика культуры Яншао. Новосибирск, 1977. С. 64.

²¹ Комиссаров С. А. Археология Западной Чжоу — 1017—770 гг. до н. э. (по материалам исследований 70-х годов) // Древние культуры Китая. Палеолит, неолит и эпоха металла. Новосибирск, 1985. С. 89—90; Яншина Э. М. Формирование и развитие древнекитайской мифологии. М., 1984. Рис. 8.

²² Цюань Хань Саньго... Т. 1. С. 380, 350.

²³ Там же. С. 412; Чжунго вэньсюэ... С. 24а.

²⁴ Там же. С. 445.

²⁵ Там же. С. 632.

²⁶ Вэнь сюань (Литературный сборник). Т. 2. Шанхай, 1959. Цз. 46. С. 1008—1012 (на кит. яз.).

²⁷ Цюань Хань Саньго... Т. 1. С. 613—615.

²⁸ Чжунго вэньсюэ... Т. 3. С. 8а.

²⁹ Вэнь сюань. Цз. 46. С. 1012—1018. Следует заметить, что «Стихотворное послесловие»

Ван Жуна, как это особо подчеркивается в его официальном жизнеописании из «Истории династии Южная Ци», вызвало восторженные отзывы современников поэта. Об общественной значимости этого произведения свидетельствует приведенный там же диалог Ван Жуна с тобйскими сановниками, прибывшими ко двору Южной Ци, одному из которых принадлежат такие слова: «...увидев стихи, созданные Вами, князь, лицезреют расцвет династии Южная Ци. (Нань ци шу... Т. 3. С. 822). Это лишний раз показывает, насколько тесной была в эпоху раннего средневековья связь между поэтическим творчеством и официальной идеологией.

³⁰ Се Тяо принадлежит следующие циклы: «Написал для наследника престола о пире у петляющей реки, устроенном в палатах Хуагуандянь» (цикл № I), «По высочайшему повелению написал о пире у петляющей реки, устроенном в третий день [третьего месяца] в палатах Хуагуандянь» (цикл № II), «По высочайшему повелению написал о пире у петляющей реки, устроенном в третий день [третьего месяца]» (цикл № III); Шэнь Юэ — стихотворения «По высочайшему повелению написал о пире, устроенном в третий день [третьего месяца] в палатах Фэнгуандянь» и «По высочайшему повелению написал о пире у петляющей реки, устроенном в третий день [третьего месяца] в палатах Линьгуандянь» (Цюань Хань Саньго... Т. 1. С. 804—805. Т. 2. С. 999—1001). Ниже при цитировании текстов Се Тяо римской цифрой будет указываться номер цикла, арабской — порядковый номер данного стихотворения внутри цикла.

³¹ На собственно китайском материале данный аспект полностью раскрывается в диалоге основателя династии Хань (Гао-цзу: 206—194 гг. до н. э.) с его сановником Сяо Хэ: «...Сяо Хэ ответил: «Именно потому, что Поднебесная еще не успокоилась, следует не откладывая построить дворцы и палаты. К тому же все земли среди четырех морей являются домом Сына Неба, и без величественных и роскошных зданий как показать свое могущество и сияние?» (Цит. по кн.: Сыма Цзянь. Записки историка. Т. 2. М., 1972. С. 191—192).

³² «Каждый раз, когда Цинь сокрушало власть какого-либо из удельных князей, [циньский ван приказывал] зарисовывать устройство его дворца и строить [подобный же] дворец». (Там же. С. 65).

³³ В качестве подтверждения сошлемся на уже упомянутый выше диалог Ван Жуна с тобйскими сановниками, когда в ответ на комплименты северян по поводу его творения поэт отвечает: «Расцвет дома нашего государя и так очевиден. И разве мы не идем по стопам ханьского монарха У-ди?» Речь идет об одном из самых известных правителей династии Хань, прославившемся своими завоевательными походами.

³⁴ Например: Воды Ба и Шань омывают парадную лестницу // Воды Хэ и Ци накатываются на пиршественные циновки (*Се Тяо*. Цикл. № 1, 8). В этом фрагменте упоминается о Реках Башуй, Шаньшуй, Хуанхэ и Цишуй, две первых из которых протекали в окрестностях Чанъани, остальные — в окрестностях Лояна.

³⁵ Ли цзи (Книга ритуалов). Сер. Сы бу бэй яо. Шанхай, 1936. Цз. 10. С. 16а; Цз. 5. С. 96 (на кит. яз.).

³⁶ Цзинь шу... Цз. 14. С. 3а.

³⁷ Цюй Юань. Цзю гэ динь и («Девять песен» в современном толковании). Шанхай, 1957. С. 25 (на кит. яз.).

³⁸ Пэй вэнь юнь фу (Словарь рифм). Т. 2. Шанхай, 1913. С. 1335.

³⁹ В пользу такого предположения свидетельствуют и строки из стихотворения Юй Чаня: Вода кружит в водовороте, словно живые волны плещутся.

Приближаемся к потоку — друг на друга нагромождаются

петляющие струи.

© 1991 г.

Т. А. Гон тар ь

КОПТСКИЕ ТКАНИ В СОБРАНИИ ЛЬВОВСКОГО МУЗЕЯ ЭТНОГРАФИИ И ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОМЫСЛА АН УССР

Музей этнографии и художественного промысла во Львове располагает уникальной коллекцией узорчатых египетских тканей, называемых коптскими, изготовленных в период с III по VIII в. Она состоит из одной детской рубахи и 17 фрагментов — длинных полос, круглых, прямоугольных и овальных вставок, которые украшали одежду. Эта коллекция была куплена в 1888 г. в Ахене у известного русского исследователя египетской культуры проф. В. Г. Бока, который в 80—90-х годах XIX в. выезжал в Египет. Он же, очевидно, составил на каждый экспонат паспорт, указав в нем место, время и технику изготовления, а также функциональное назначение тканей. Но его записи не сохранились.

Коптские ткани были найдены в погребениях Верхнего Египта. Их изготавливали сложной гобеленной техникой из шерстяных ниток по льняной основе. Длинные полосы-клавы были вытканы вместе с полотном, а круглые, квадратные или овальные панно выполнялись отдельно и затем нашивались на одежду. Поэтому на месте нашивания панно отсутствовало переплетение ниток основы утком. Гобеленная техника часто совмещалась с техникой «летающей иглы», т. е. вышивкой тонкой льняной ниткой сверху по узорному тканью.

Рассмотрим в хронологическом порядке характерные экспонаты коллекции музея. В ней находятся полосы-клавы, украшавшие мужские рубахи-туники. Одна из них (№ ЕП 594) изготовлена в III в. из тонкой шерсти, окрашенной пурпуром в темно-фиолетовый цвет. Техника тканья — гобеленная. Узор состоит из четырех волнистых веток лозы с листьями. Размер клава 28,5×8 см.

Другая полоса (№ ЕП 589) — из темно-синей тонкой шерсти, относится к III—IV вв. (рис. 1). Техника тканья — гобеленная и вышивка белыми льняными нитками, орнамент — растительный. Основную, широкую полосу узора составляет волнообразная линия с ритмически повторяющимися зубчатыми розетками. С двух сторон полоса обрамлена узкой полоской из кружков с внутренним заполнением, над ней размещаются схематизированные растительные мотивы. Размер полосы 34×12,5 см.

Ценный экспонат коллекции — детская погребальная рубаха-туника из льняного полотна (№ ЕП 577), украшенная двумя узкими длинными полосами-клавками, которые размещались на груди и спине (от плеча до подола) (рис. 2). Сдвоенная полоса клава была выткана по краю рукавов. Рубаха туниковидного